

В.П. МУРАДОВ

Культуролог, выпускник

Санкт-Петербургский государственный университет

АДАПТАЦИЯ РУССКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕМЕЦКИХ АВТОРОВ

Статья посвящена рассмотрению процесса интеграции молодых людей из числа русских немцев в немецкое общество. В версии немецких исследователей анализируются проблемы, которые стоят перед мигрантами, особенности их самоидентификации, а также формы и модели интеграции. Учитывается множество факторов, среди которых причины миграции, степень владения языком, установки местного населения по отношению к приезжим.

Ключевые слова: интеграция, общество, самоидентификация, миграция

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01018

V.P. MURADOV

Graduati culturae studiis

Saint-Petersburg State University

ADAPTATION OF RUSSIAN GERMANS IN INTERPRETATION OF GERMAN AUTHORS

This study has considered the integration of young emigrants into German society. The researchers have analyzed the problems the migrants face with, the peculiarities of young adults self-identity with a society and the forms and models of integration. Variety of factors including level of language, the reasons for migration and the attitude of local people toward newcomers have been taken into consideration.

Keywords: integration, society, self-identification, migration

Миграция – один из главных факторов, оказывающих воздействие на демографические, этнические и социокультурные структуры различных государств и регионов. Масштабы ее влияния на политическую, экономическую и социальную сферу в подавляющем большинстве стран мира возрастают с каждым годом.

Самой большой группой мигрантов, которая вернулась в Германию, являются так называемые «русские немцы», которых также называют «переселенцы» или «поздние переселенцы». В общей сложности после распада Советского Союза в Германию прибыло около 2,6 миллиона человек немецкого происхождения [4; С.13]. Это люди, которые прожива-

ли на территории бывшего Советского Союза и которые решили вернуться в Германию по каким-либо причинам. Вместе с родственниками, которых они взяли с собой, эта цифра увеличивается почти до 4 миллионов.

Среди характерных черт, присущих этой этнической группе, немецкие исследователи выделяют «травму» депортации, испытываемую дискриминацию из-за исконной национальности, жизнь в рабочих лагерях, а впоследствии в социалистической стране, наконец, отъезд из Советского Союза, в котором они не видели дальнейших перспектив для благополучной жизни.

Не подвергается сомнению тот факт, что переселенцы, также как и другие мигранты, сталкиваются с многочисленными проблемами при погружении в другую культуру. Многие из них вполне очевидны: другой язык, иные традиции, законы, культурные ценности и нормы. Вполне логично, что переселенцы имеют какие-либо ожидания от принимающей страны и надеются на улучшение качества жизни.

Если немного вернуться к истории, то стоит отметить, что с течением времени знание немецкого языка у всей группы русских немцев шло на спад в связи с тем, что в бывшем Советском Союзе старшему поколению во времена сталинских репрессий и после войны часто приходилось сталкиваться с преследованиями, ущемлением прав и дискриминацией. Молодое же поколение выросло уже в окружении, где преобладала русская культура. Немецкий язык был для этой молодежи чаще всего языком их бабушек и дедушек, поэтому большинство молодых переселенцев, которые в 90-ых годах приехали в Германию, обладали только начальными знаниями языка. В этой связи они стыдились говорить по-немецки, чтобы не быть негативно воспринятыми со стороны местного населения. Языком повседневного общения новоприбывших был, как правило, русский язык. Но с течением времени, после некоторого пребывания в Германии, этот язык, в зависимости от группы в которой происходила коммуникация, превратился в смешанную форму [13; S.236]. Кораля Зеклер в своем исследовании, опубликованном в 2008 году, установила, что русскому языку как языку повседневного общения придается очень большое значение даже спустя 10 лет пребывания в Германии [13; S. 237]. После многих лет проживания в новой культуре русский язык, точнее его смешанная форма, остается контактным языком, на котором переселенцы общаются с членами семьи, друзьями и знакомыми. Что же касается немецкого языка, то его молодежь использует исключительно в школе или других официальных учреждениях [12; S.47]. Боязнь разговаривать на немецком языке была одной из главных причин отказа для молодых людей из СССР вступать в контакт с ровесниками из Германии. Проблема низкого качества языка или полного его отсутствия породила иную,

вполне логично следуемую их этой ситуации проблему: отсутствие контактов с немецкой молодежью. Хайке Ролль, проводя опрос переселенцев, установила, что круг их друзей и знакомых в 90-ых годах почти наполовину состоял из таких же переселенцев (54%), а языковая компетентность была заметно ограничена, вызванная культурной геттоизацией [там же]. Для многих молодых людей было тяжело выучить немецкий язык, не имея контактов с принимающей культурой. Кроме того, той части молодежи, которая не разговаривала на немецком языке, нередко приписывалось нежелание учить этой язык. При этом тот вариант, что переселенцы просто не решаются начать говорить по-немецки, местным населением часто даже не рассматривался.

Однако не только язык являлся препятствием для начала установления социальных отношений молодых переселенцев. Большую роль здесь играл негативный образ местного населения, который заключался в том, что в начале пребывания в Германии немецкое население рассматривалось со стороны переселенцев как холодное и высокомерное. Молодым людям казалось, что немцы не желают учитывать их происхождение, так как немцам не были известны история и культура российских немцев.

Все эти факторы нередко вели к языковой изоляции переселенцев. Примером такой изоляции может послужить район Марзан в Берлине [2; S.54]. В этот район переселялись многие семьи русских немцев, так как уже к тому времени там жило большое количество русскоговорящего населения (что в свою очередь опять затрудняло изучение языка). В опросе Кирша многие переселенцы отмечали, что они хотели бы иметь больше контактов с ровесниками из числа местного населения, но в то же время они признавались, что так же охотно они продолжили бы общаться между собой [2; S.55]. Многие молодые люди, опрошенные Зеклер, признавались, что дружба с такими же переселенцами представляется для них куда более логичной. В качестве пояснений этому часто ссылаются на такие понятия как менталитет и образ жизни [11; S.219]. Так как немецкая молодежь имеет совершенно другой жизненный опыт и другие интересы, то для мигрантов их русскоязычные друзья кажутся более надежными и верными. Любопытен тот факт, что русскоязычная молодежь, согласно опросу Зеклер, отметила, что со времени пребывания в Германии хотя и появились немецкие приятели и знакомые, но они относятся к категории ни к чему не обязывающих контактов [13, S.220].

Если сегодня многие из числа местного населения критикуют въезжающих за то, что они не являются настоящими немцами, то в некоторых случаях они правы. Среди въезжающих в Германию часто оказываются те, кто получил такое право посредством регистрации брака с представи-

телями данного немецкого меньшинства [10; S.309]. Согласно Цинн-Томас, эта группа вообще не обладает знанием немецкого языка и оттого считается проблемной в плане интеграции, кроме того ее позиция сказывается на общем портрете поздних переселенцев, так как такие смешанные браки вели к заметному культурному разрыву с местным населением [13; S.75]. С такими же трудностями в дальнейшем сталкиваются и дети из таких смешанных браков.

Все названные проблемы, которые по большей части имеют личный характер, нередко дополняются другими, о возникновении которых многие переселенцы не имели ни малейшего понятия до приезда на свою историческую Родину. Под этим автор подразумевает не кажущееся, а действительно негативное отношение со стороны местного населения. Поясним это.

С началом волны массового переселения в начале 90-ых годов коренное население становилось настроенным все более скептически в вопросах дальнейшего принятия сколь неограниченного количества мигрантов. Из опроса 1992 года, касающегося данной темы, следует, что бывшее отношение коренных немцев к мигрантам сменилось на негативное, а готовность идти на помощь переселенцам стала менее явной [11; S. 176]. Экономические мотивы въезда и привилегированное отношение со стороны государства вели к некоторой зависти со стороны немцев и к таким предсудкам как «Только русские получают деньги на строительство своих домов» [7; S.106]. Местное население видело в приезжих угрозу своих жизненных стандартов и перспектив на будущее [11; S. 176].

С середины 90-ых годов все больше обсуждалась неготовность переселенцев интегрироваться, а также сокращение социальных пособий и ограничение потока приезжающих [7; S.106]. Несмотря на то, что Вестфаль в своем исследовании описывает русских немцев как порядочных, чистоплотных и старательных [7; S.124], многие коренные немцы были склонны упрекать переселенцев за то, что они не являются «истинными» немцами (что соответствовало действительности только в случае смешанных браков, как это было описано выше) [1; S. 140]. Изначально воспринимаемые позитивно сплоченность и чувство единения мигрантов стали считаться со временем чем-то негативным и враждебным. И постепенно им стали приписывать нежелание интегрироваться в немецкое общество и самоизоляцию. Это было вызвано, прежде всего, тем, что принадлежность к немецкой нации и культуре «измерялась» знанием немецкого языка [13; S.154].

Если мы говорим о том, как коренные немцы воспринимали русских немцев, то следует отменить следующее: внешне семьи переселенцев представлялись как тихие, необщительные и закрытые [13; S.121]. Это

впечатление усиливалось узким кругом общения и использованием русского языка, что в Германии не престижно [8; S.190]. Из-за этого многие переселенцы часто чувствовали себя стесненными, а подчас стыдились языка, в окружении которого они росли. Кроме того, многие коренные немцы иногда считают использование русского языка провоцирующим фактором [11; S.198].

Следует признать, что федеральные СМИ оказывают некоторое давление на коренных немцев, формируя их отношение к исследуемой нами проблеме. Нередко СМИ изображают переселенцев в связке с наркотиками, мафией и другими преступлениями [3; S.64]. Тем самым федеральные СМИ частично содействуют тому, что молодежь из числа переселенцев представляется многим как группа молодых людей, которая склонна к насилию, ведёт асоциальный образ жизни, что нередко является преувеличением со стороны журналистов (это можно расценивать как попытку увеличить продажу собственных газет).

Желание быть немцами среди немцев было для большинства переселенцев несбыточным, так как они резко выделялись на фоне немцев, вследствие чего их принимали за чужих (русских). У детей переселенцев неустойчивость их культурной идентичности происходила за счет обычаев и правил, перенятых от родителей, а также усвоения немецких норм поведения, которые им навязывало новое общество. С одной стороны, это являлось частью процесса аккультурации, с другой – указывало на заметную неуверенность в своей культурной идентичности.

Светлана Киль в своем эмпирическом исследовании семей русских немцев установила, что по приезду в Германию часто у многих начинается стадия рефлексии своего этнокультурного статуса [2; S.96]. Логичным следует считать тот факт, что изменение своего собственного Я является неизбежной частью процесса интеграции в другую культуру и миграции в целом как явления. Этот процесс неизбежно включает в себя переоценку ценностей, норм и обязанностей, и может длиться не один год. Однако, несмотря на сложность и долгую продолжительность данного процесса молодые люди подчеркивают связь со страной своего происхождения и ее языком, что подтверждает бикультурное развитие этой группы мигрантов.

Другие нормы и обычаи местной молодежи свидетельствовали, по словам переселенцев, о различиях в менталитете [13; S. 129]. Русский язык и схожий жизненный стиль являлись нередко исходными пунктами для поиска новых контактов, даже при наличии друзей среди немецкой молодежи. По мнению переселенцев, немцы были закрытыми, холодными и замкнутыми, русскоговорящие же юноши и девушки наоборот от-

личались сплоченностью, скромностью и готовностью всегда прийти на помощь [5; S.186].

Тем не менее, не считая тех проблемных случаев, которые случаются с подростками в переходном возрасте, процесс осознания своей культурной и этнической принадлежности проходит скорее позитивно, так как молодые люди со временем начинают расценивать свой бикультурализм, многоязычие и транскulturацию как некое богатство. Не отказываясь от своих особенностей, а наоборот, восхваляя их, они развивают в себе гибридную идентичность, совмещающую в себе две культуры [13; S.137].

Успешность интеграции зависит от различных факторов. Прежде всего, к таковым относятся: причины миграции, количество въезжающих, разрыв между культурами мигрантов и принимающего общества, установки местного населения по отношению к приезжим, меры, принимаемые государством для обеспечения благоприятного процесса интеграции (в том числе в области труда и образования), степень чувства групповой принадлежности, а также возможность вернуться домой. На это накладываются такие разнообразныe черты каждого отдельного индивида как возраст, время, проведенное в обеих странах, степень владения языком, уровень образования и личностные качества.

Часто случалось так, что после переезда в Германию многие русские немцы осознавали, что культурные установки, воспринимаемые ими как немецкие, на деле не соответствовали немецкому обществу [2; S.156]. Такие мигранты надеялись, что их примут в Германии, что называется, с распростертыми объятиями, однако на деле оказывалось, что их считали «немцами второго сорта» [3; S.111], а обладание такими "немецкими" качествами, как трудолюбие и честность, не являлись поводом, чтобы быть причисленным к местному населению [1; S.141]. Ощущая свою принадлежность к немецкой нации, они воспринимали то русское, что в них осталось, как некое пятно, которое необходимо удалить, соответственно, мотивация к сохранению своей первоначальной идентичности для них была не такой уж высокой, что также способствовало интеграции и ассимиляции [8; S.188].

Инклюзия также является одной из форм интеграции, отличаясь при этом от ассимиляции тем, что для молодых людей приоритетными являются нормы, ценности и модели поведения той культуры, из которой происходят их родители, то есть советской или российской. Представители данной формы интеграции не разрывают связь с Россией, активно поддерживая при этом диалог с русской культурой. Фактически, имея равные контакты с членами русского и немецкого обществ, они являются гражданами сразу двух культур. В качестве примера для данного типа интеграции могут служить те русские немцы, которые из-за тоски по со-

ветской/русской ментальности принимают активное участие в деятельности таких внутригрупповых структур как русские дискотеки, магазины, социальные сети. Однако при этом ничто не мешает им иметь друзей и знакомых из числа коренных немцев, а также быть хорошо интегрированными в сфере труда и образования. Такая молодежь не изолируется от окружающих. Светлана Киль в своем исследовании называет этих молодых людей «немцами с русским оттенком» [2; S.157].

Для следующей формы интеграции – сепарации – характерно, что молодые люди не имеют никакого желания контактировать с местным населением, ориентируясь при этом на сохранение своей первоначальной идентичности. Такая интеграционная установка связана с низкими шансами на участие в жизни общества, а для принимающего общества культурные различия являются скорее проблемой, нежели неким позитивным моментом [6; S.93]. К незнанию языка, трудностям в школе и проблемам с самоидентификацией добавляются "пространственные" проблемы, связанные с обособленным от местного населения проживанием. Русские магазины, кабельное телевидение, газеты и интернет-сайты позволяют мигрантам оставаться в России, находясь при этом в Германии. Так как мигранты в течение долгого времени не выходят за пределы данных структур, это начинает затруднять интеграцию в немецкую культуру и вызывать непонимание со стороны немецкого населения. В конечном итоге происходит культурная и социальная изоляция, и как следствие усиливается недоброжелательность к переселенцам со стороны принимающей культуры.

Стоит отметить, что дети, осваивающие немецкий язык быстрее своих родителей, часто становились посредниками между двумя культурами. Положительным моментом является то, что степень неуверенности, связанная с общением на немецком языке, а также давление со стороны немцев уменьшаются с улучшением знаний языка и с увеличением времени пребывания в Германии. На сегодняшний день можно говорить о том, что с точки зрения развития все указывает на растущий уровень интерактивности, о чем свидетельствует увеличение числа контактов с местной молодежью. Настрой и желание родителей также оказывают влияние на отношение детей к новому обществу, что в свою очередь влияет на успех их интеграции.

Те мигранты, которые склонны к устойчивой этнической и культурной самоидентификации, не имеют серьезных проблем с адаптацией и интеграцией. Они полностью интегрируются и идентифицируют себя в дальнейшем как часть немецкого общества, признавая его нормы и ценности. Постоянно находясь в языковой и культурной среде, молодежь

ассоциирует себя с немцами. В целом очевиден тот факт, что со временем переселенцы имеют все меньше и меньше проблем, в том числе и на школьном, и на профессиональном уровне. Для тех, кто приехал в Германию в раннем возрасте, чаще всего не возникает никаких существенных проблем в сфере привыкания к новому обществу. Воспринимая свой гибридный статус, билингвизм и бикультурализм как личное культурное достояние и развивая их, подростки и молодые люди соединяют элементы культуры своих родителей с теми культурными реалиями, которые они нашли в Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dietz B. Zwischen Anpassung und Autonomie: Russlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin: Duncker & Humboldt GmbH, 1995. – 206 S.
2. Kiel S. Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. Münster/New York/Berlin/München: Waxmann Verlag, 2009. – 209 S.
3. Kirsch J. Migration von Russlanddeutschen: Aus gesellschaftlicher und ärztlicher Sicht. Berlin: Gallus Druckerei KG, 2004. – 140 S.
4. Kleindienst J. Zu diesem Buch: Erinnerungen an vergessene Schicksale. // Dyck L., Mehl H. Mein Herz blieb in Russland: Russlanddeutsche erzählen aus ihrem Leben. Berlin: Zeitgut, 2008. 9-35 S.
5. Menzel B., Engel C. Rückkehr in die Fremde? Ethnische Remigration russlanddeutscher Spätaussiedler. Berlin: Frank&Timme, 2014. – 298 S.
6. Strobl R. Chancen und Probleme der Integration junger Aussiedler aus der früheren Sowjetunion. // Zuhause fremd - Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland 3. Bielefeld: transcript Verlag, 2006. 87-109 S.
7. Westphal M. Aussiedlerinnen: Geschlecht, Beruf und Bildung unter Einwanderungsbedingungen. Bielefeld: Kleine Verlag, 1997. – 270 S.
8. Winter-Heider C. Mutterland Wort: Sprache, Spracherwerb und Identität vor de Hintergrund von Entwurzelung. Frankfurt: Brandes&Apsel, 2009. 263 S.
9. Zdun S. Ablauf, Funktion und Prävention von Gewalt : eine soziologische Analyse gewalttätiger Verhaltensweisen in Cliques junger Russlanddeutscher. Frankfurt: Peter Lang GmbH, 2007. – 235 S.
10. Zinn-Thomas S. Kriminelle, junge Spätaussiedler-Opfer oder Täter? Zur Ethnisierung des Sozialen // Zuhause fremd - Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland 3. Bielefeld: transcript Verlag, 2006. 307-321 S.
11. Zinn-Thomas S. Fremde vor Ort: Selbstbild und regionale Identität in Integrationsprozessen. Eine Studie im Hunsrück. Bielefeld: transcript Verlag, 2010. – 308 S.
12. Roll H. Deutsch sein und doch fremd sein - Jugendliche Aussiedler suchen ihre Identität. // Friedrich Ebert Stiftung: Digitale Bibliothek. 1999 URL: <http://www.fes.de/fulltext/asfo/00230003.htm> (дата обращения: 12.02.2017)
13. Sekler K. Integration junger Aussiedler und Spätaussiedler in Deutschland. Studie zur derzeitigen Situation. Hannover. 2008 URL: <http://edok01.tib.uni-hannover.de/edoks/e01dh08/571086446.pdf> (дата обращения: 03.05.2017)

TRANSLIT

1. Dietz B. Zwischen Anpassung und Autonomie: Russlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin: Duncker & Humboldt GmbH, 1995. – 206 S.
2. Kiel S. Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. Münster/New York/Berlin/München: Waxmann Verlag, 2009. – 209 S.
3. Kirsch J. Migration von Russlanddeutschen: Aus gesellschaftlicher und ärztlicher Sicht. Berlin: Gallus Druckerei KG, 2004. – 140 S.
4. Kleindienst J. Zu diesem Buch: Erinnerungen an vergessene Schicksale. // Dyck L., Mehl H. Mein Herz blieb in Russland: Russlanddeutsche erzählen aus ihrem Leben. Berlin: Zeitgut, 2008. 9-35 S.
5. Menzel B., Engel C. Rückkehr in die Fremde? Ethnische Remigration russlanddeutscher Spätaussiedler. Berlin: Frank&Timme, 2014. – 298 S.
6. Strobl R. Chancen und Probleme der Integration junger Aussiedler aus der früheren Sowjetunion. // Zuhause fremd - Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland 3. Bielefeld: transcript Verlag, 2006. 87-109 S.
7. Westphal M. Aussiedlerinnen: Geschlecht, Beruf und Bildung unter Einwanderungsbedingungen. Bielefeld: Kleine Verlag, 1997. – 270 S.
8. Winter-Heider S. Mutterland Wort: Sprache, Spracherwerb und Identität vor dem Hintergrund von Entwurzelung. Frankfurt: Brandes&Apsel, 2009. 263 S.
9. Zden S. Ablauf, Funktion und Prävention von Gewalt : eine soziologische Analyse gewalttätiger Verhaltensweisen in Cliques junger Russlanddeutscher. Frankfurt: Peter Lang GmbH, 2007. – 235 S.
10. Zinn-Thomas S. Kriminelle, junge Spätaussiedler-Opfer oder Täter? Zur Ethnisierung des Sozialen // Zuhause fremd - Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland 3. Bielefeld: transcript Verlag, 2006. 307-321 S.
11. Zinn-Thomas S. Fremde vor Ort: Selbstbild und regionale Identität in Integrationsprozessen. Eine Studie im Hunsrück. Bielefeld: transcript Verlag, 2010. – 308 S.
12. Roll H. Deutsch sein und doch fremd sein - Jugendliche Aussiedler suchen ihre Identität. // Friedrich Ebert Stiftung: Digitale Bibliothek. 1999 URL: <http://www.fes.de/fulltext/asfo/00230003.htm> (data obrashcheniya: 12.02.2017)
13. Sekler K. Integration junger Aussiedler und Spätaussiedler in Deutschland. Studie zur derzeitigen Situation. Hannover. 2008 URL: <http://edok01.tib.uni-hannover.de/edoks/e01dh08/571086446.pdf> (data obrashcheniya: 03.05.2017)